

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 2, Pp. 426–439, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-25

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-426-439

О китайских переводах прагматических маркеров- аппроксиматоров русской повседневной речи (на материале речи персонажей в художественных текстах)

Сян Янань¹, Наталья Викторовна Богданова-Бегларян²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 аспирант

 0009-0005-2279-6868. E-mail: [st112867\[at\]student.spbu.ru](mailto:st112867[at]student.spbu.ru)

² Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-7652-0358. E-mail: [n.bogdanova\[at\]spbu.ru](mailto:n.bogdanova[at]spbu.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Разговорная речь персонажей художественных произведений представляет собой квазиспонтанную речь, стилизованную под реальную разговорную. Стремясь сделать эту стилизацию максимально близкой к оригиналу, авторы используют в ней, в числе прочих примет разговорности, прагматические маркеры-аппроксиматоры, которые показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит. Типичными такими маркерами русской речи являются *типа, или там, как бы, вроде* и их структурные вариации. Наличие таких функциональных единиц делает речь персонажей более естественной, но представляет значительную трудность для переводчиков, вынужденных искать в своем языке аналоги таких маркеров. *Целью* настоящего исследования является анализ приемов перевода прагматических маркеров-аппроксиматоров в русских художественных текстах на китайский язык. *Материалом* для анализа стал 21 контекст из 10 русских художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка и их китайские переводы. В работе использованы такие *методы*, как контекстный, сопоставительный и дискурсивный виды анализа. *Результаты.* Проведенное исследование показало, что прагматические маркеры-аппроксиматоры, выявленные в речи героев избранных произведений, соответствуют реальной русской разговорной речи, т. е. выступают в своей основной функции аппроксимации, совмещенной зачастую с функциями хезитации, ксенопоказателя (введения в повествование чужой речи) и разграничения (маркирования начала, продвижения или финала фразы). Кроме того, русские маркеры-аппроксиматоры часто употребляются совместно с другими прагматическими маркерами, образуя разнообразные прагматические цепочки, что еще усложняет задачу переводчика. *Выводы.* Анализ материала показал, что наиболее удачным, хотя и очень редким, оказался прием опущения прагматического маркера-аппроксиматора с передачей его содержания другими словами (4,3 %). Достаточно часто (17,4 %) маркер был просто проигнорирован и опущен, что, конечно, существенно меняет речевой портрет говорящего (персонажа произведения). И чаще

всего (78,3 %) маркер переводился значимыми словами, из которых ближе всего к исследуемым прагматическим маркерам-аппроксиматорам стоят вводные слова со значением приближенности (47,8 %), а дальше всего — буквальный перевод с полной потерей смысла (4,3 %). Совсем не обнаружилось наиболее удачного перевода <русский прагматический маркер-аппроксиматор → китайский прагматический маркер-аппроксиматор>. Полученные данные ставят проблему выявления прагматических маркеров-аппроксиматоров в китайском языке и установления двуязычных соответствий для единиц данного типа.

Ключевые слова: прагматический маркер, маркер-аппроксиматор, хедж, речь персонажа, разговорная речь, художественный перевод, сопоставительный анализ, дискурсивный анализ

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (номер госрегистрации: 124032900006-1).

Для цитирования: Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В. О китайских переводах прагматических маркеров-аппроксиматоров русской повседневной речи (на материале речи персонажей в художественных текстах) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 2. С. 426–439. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-426-439

On Chinese Translations of Colloquial Russian Pragmatic Approximator Markers: Analyzing Speech Patterns from Literary Fiction

Xiang Yanan¹, Natalia V. Bogdanova-Beglarian²

¹ St Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St Petersburg, Russian Federation)
Postgraduate Student

 0009-0005-2279-6868. E-mail: st112867[at]student.spbu.ru

² St Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St Petersburg, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7652-0358. E-mail: n.bogdanova[at]spbu.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Xiang Yanan, Bogdanova-Beglarian N. V., 2024

Abstract. *Introduction.* Character speech in literary fiction is quasi-spontaneous, and is supposed to resemble mere conversational narratives. To facilitate this, the authors turn to the use of — along with other colloquialisms and tools — pragmatic approximator markers that are to show the speaker's uncertainty in what he/she is talking about. Such typical markers in Russian are as follows: *muna, или там, как бы, вроде* (and their structural variations). Presence of the functional units makes character speech more natural but may pose significant difficulties for translators who are forced to look for adequate analogues in the target language. *Goals.* The study seeks to analyze the identified methods of translating pragmatic approximator markers contained in Russian literary texts — into Chinese. *Materials and methods.* The paper focuses on 21 contexts from 10 Russian narratives included in the main section of Russian National Corpus and their Chinese translations. The employed methodology comprises targeted sampling, contextual, comparative, and discursive analyses. *Results.* It has been revealed that the markers traced across examined character speech patterns do correspond to authentic colloquial Russian units, i. e. they perform the main function of approximation, often combined with those of hesitation, xeno-narration (to introduce someone else's speech into narrative), and delimitation (to mark a beginning, continuation or final part of phrase). Moreover, Russian approximator markers are often used together with other pragmatic units to form various pragmatic chains, which essentially complicates the translator's tasks. *Conclusions.* Our analysis shows the most successful method — although a very rare one — is omission of an approximator marker and articulation of its message with other words (4.3 %). The marker is quite often (17.4 %) simply ignored, which by all means significantly changes a character's speech portrait. And in most cases (78.3%), the marker is translated with meaningful words, closest to the examined markers being some introductory words denoting approximation (47.8 %), and remotest — literal translations characterized by complete loss of meaning (4.3 %). All in all, no completely successful Russian-to-Chinese translation of pragmatic approximator markers has been found. The obtained data pose a problem of identifying pragmatic

approximator markers in the Chinese language and establishing bilingual correspondences for such units.

Keywords: pragmatic marker, approximator marker, hedge, character speech, colloquial speech, literary translation, comparative analysis, discourse analysis

Acknowledgements. The reported study was funded by St. Petersburg State University, project no. 124032900006-1.

For citation: Xiang Yanan, Bogdanova-Beglarian N. V. On Chinese Translations of Colloquial Russian Pragmatic Approximator Markers: Analyzing Speech Patterns from Literary Fiction. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 426–439. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-426-439

1. Введение

Перевод — это творческая лингвистическая деятельность, которая преобразует текст на одном языке в текст на другом. Художественные тексты — это произведения искусства, созданные с помощью языка. Художественным называется перевод произведений художественной литературы [Комиссаров 1990: 93], его важной частью является адекватный перевод разговорной речи (далее — РР) персонажей. Такая речь обладает своими особенностями: несмотря на письменное представление, ее сутью является реальная устная речь, которая явно и во многих отношениях отличается от письменной. Фактически здесь можно говорить о *квазиспонтанной речи*, которая характеризуется, с одной стороны, определенной долей подготовленности, с другой — и некоторой долей спонтанности [Дергачева 2014].

Основными формами речи персонажей в художественных текстах являются диалоги и внутренние монологи, которые в совокупности создают речевой портрет того или иного персонажа. По мнению В. В. Виноградова, в художественных произведениях разговорная речь «олитературируется», в ней в первую очередь используются те явления РР, которые связаны с ее стилистической экспрессией, выразительностью. В речи персонажей могут быть использованы, в зависимости от социального положения героя, все элементы РР: как литературные, так и нелитературные [Виноградов 2001: 356]. Речь персонажа помогает читателю почувствовать внутренний мир героя; соответственно, перевод этой речи должен выполнять такую же функцию.

В русской разговорной речи существует множество специальных единиц, которые соотносятся с обычными лексемами,

как полнозначными, так и служебными, но при этом во многих своих употреблениях в повседневной коммуникации подвергаются прагматикализации и в результате утрачивают (полностью или частично) свое исходное лексическое и / или грамматическое значение, взамен приобретают прагматическое значение, или функцию в тексте, и переходят в категорию условно-речевых функциональных единиц русской речи. С учетом такой *прагматикализации* они называются *прагматическими маркерами* (далее — ПМ) [Богданова-Бегларян 2021: 16].

В русской разговорной речи ПМ довольно разнообразны. Например, хезитативы служат для заполнения пауз хезитации, чаще всего при поиске нужной единицы или продолжения речи, в ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения или в иных ситуациях (*это самое, это, как это*). Разграничительные маркеры — стартовые, направляющие (навигационные) или финальные — помогают говорящему структурировать устный текст (*значит, ну вот, заметь*). Маркеры-ксенопоказатели вводят в повествование чужую речь — в широком понимании этого термина, т. е. и свою собственную, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека», «говорящее молчание» [Левонтина 2010: 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022] (*такой / такая / такие, типа того что, грим*) (подробнее о типологии русских ПМ см.: [Богданова-Бегларян 2021: 28–33]). Маркеры-аппроксиматоры показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляются, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлеская

2013: 631]. Эти маркеры «синтаксически обычно несамостоятельны, рекрутируются из неизменяемых слов или эволюционируют в неизменяемое слово» [Подлесская 2013: 635]. Они «обычно формируют единую составляющую вместе с выражением, которое ими „семантически обслуживается“. Типичными аппроксиматорами являются, например, маркеры, восходящие к словам и конструкциям со значением подобия» [Подлесская 2013: 635]. Типичные прагматические маркеры-аппроксиматоры (ПМА) русской РР — *как бы, вроде, типа, или там* [Богданова-Бегларян 2021: 25], которые и стали объектом настоящего исследования.

Близким к ПМА является понятие *хедж* (от англ. *Hedge* — ‘уклонение от прямого ответа, страховка’). В класс хеджей входят единицы «осторожной» модальности, т. е. неопределенные местоимения или наречия, а также вводные слова, указывающие на неуверенность говорящего (*какой-то, что-то, наверное, кажется, как-нибудь*). Значение хеджей «имплицитно подразумевает неясность, их функция заключается в том, чтобы представить вещи более или менее неясными» [Lakoff 1973: 471], они помогают говорящему снизить категоричность своих высказываний. В устной коммуникации ПМА и хеджи совместно реализуют стратегию хеджирования, взаимно повышают неуверенность говорящего в сказанном и снижают категоричность его суждений [Сян Янань, Богданова-Бегларян 2023: 61].

Квасиспонтанная речь персонажей в литературных произведениях, художественно обработанная автором, является ее имитацией и отражением повседневной разговорной речи. В ней неизбежно присутствует реализация стратегии хеджирования, т. е. прагматические маркеры-аппроксиматоры и хеджи. В связи с этим необходимо провести сопоставительный анализ русских текстов, содержащих подобные элементы, и их китайских переводов. Этому и посвящено настоящее исследование.

2. Цель, материал и методы

Целью данной работы является анализ приемов перевода русских ПМА в разговорной речи персонажей художественных произведений на китайский язык.

Материалом для анализа послужил 21 контекст из 10 русских художествен-

ных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и их китайские переводы [Юй Хун 1982; Су Чжоусюн 1983; Гэн Цзичжи 1985; Цзин Лимин 2000; Чжэн Тиву 2004; Ся Янь 2006; Ли Ган 2015; Цзинь Жэнь 2015; Чжан Пинхэн 2016; Гао Хуэйцунь 2019]. Все отобранные русские тексты являются оригинальными и содержат исследуемые ПМА: *или там* (13,0 %), *как бы* (13,0 %), *вроде* (*вроде того, вроде того что*) (74 %)¹. Чаще всего в русских произведениях был выявлен ПМА *вроде* и его варианты (*вроде того, вроде того что*). Рассматриваемые ПМА, как и многие другие прагматические маркеры повседневной речи, часто «притягивают» к себе иные ПМ, т. е. имеют высокую синтагматическую активность, обладают своеобразным «магнетизмом» (ср.: [Богданова-Бегларян 2019]). В результате образуются цепочки прагматических маркеров, составляющие для переводчиков дополнительную трудность (см. об этом, например: [Сунь Сяоли, Богданова-Бегларян 2023]).

В работе использовались такие научные методы, как целенаправленная выборка (с помощью которой был собран пользовательский подкорпус), описательный (контекстный), сопоставительный и дискурсивный виды анализа.

3. Результаты анализа

Как уже отмечалось, маркеры-аппроксиматоры в русской РР показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит [Богданова-Бегларян 2021: 32]. Рассмотрим несколько соответствующих примеров из пользовательского подкорпуса и их переводы на китайский язык.

(1) *Ну? Вы прочли, или что? Вроде не читаете. Вот, вы человек взрослый. Грамотный. В тюрьме сидели, понимаете, что это за письмо* [А. И. Солженицын. В круге первом (1968)];

好啦，看完没有？”米辛问。“全看完了

¹ Так получилось, что употреблений маркера *типа* и его структурных вариантов в материале исследования не оказалось: видимо, к моменту написания использованных художественных произведений время «поколения типа» еще не пришло, ср.: «В немногих словарных фиксациях *типа* описывается как частица в функции вводного слова, имеет помету *жарг. крим.* и определяется следующим образом: „Вроде, наподобие, как бы и т. п.“» [ПМ 2021: 396].

ма?听着,你是个成年人,有文化的人,在监狱里蹲过的,应该懂得这是一封什么信! [Цзинь Лимин 2000: 284].

В контексте (1) говорящий не уверен, что собеседник прочел то, о чем идет речь, и с помощью ПМА *вроде* выразил эту неуверенность. Китайский переводчик, по-видимому, не нашел в своем языке аналога данного маркера-аппроксиматора, в результате все предложение *Вроде не читаете* осталось полностью непереведенным, что можно расценить как первый, неудачный, «прием перевода» рассматриваемых единиц — **прием опущения**.

(2) *При этом левая часть его лица выразила то, что и положено выражать лицу Арнольда Шварценеггера при улыбке — что-то неуловимо-лукавое и как бы мальчишеское, такое, что сразу становилось понятно* [В. О. Пелевин. Чапаев и пустота (1996)];

这时, 他的左脸上表现出阿诺德·施瓦辛格在微笑时应该表现出的一种神情——几分难以捉摸的狡黠和几分孩子似的顽皮, 见到这种表情, 你马上就会明白…… [Чжэн Тиву 2004: 74].

В контексте (2) маркер *как бы* переведен как сравнительный союз *似的* (shì de), который «используется после существительного, местоимения или глагола, чтобы выразить сходство с определенной вещью или ситуацией» [Словарь 2005: 1245]. Очевидно, что переводчик знает русское *как бы* именно как предположительно-сравнительный союз [МАС 1986: 17] и ограничивается таким переводом, сохраняя семантику аппроксимации, общую для союза и ПМА¹, но не видя того факта, что маркер в данном случае не выполняет грамматической функции союза (произошла прагматикализация). Такой — безусловно, неудачный — перевод ПМА можно расценить как второй прием перевода: **как служебного слова с близкой семантикой**.

(3) *Что-то вроде того, что работа ваша при всей своей талантливости противоречит установкам, данным на том знаменитом совещании* [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)];

¹ По выражению В. И. Подлесской, «значения уподобления и аппроксимации неслучайным образом соседствуют на семантической карте» [Подлесская 2013: 637].

似乎是这样, 您的论文尽管有不少独到的见解, 但是和那次有名的会议上所定的方针是抵触的. [Ли Ган 2015: 1093];

(4) *Чего-то мне вроде не хватает, какая-то чесотка на меня нападет, не усну — и шабаи!* [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1932–1940)];

就像是缺点儿什么似的, 浑身痒痒起来, ——怎么也睡不着! [Цзинь Жэнь, 2015: 3562];

(5) *Три, говорит, мерки, а сколько в них — мне не счесть! Не жалели денег-то, вроде бар* [А. М. Пешков (М. Горький). Жизнь Матвея Кожемякина (1910)];

他说: 这是三升, 至于里面有多少, 我也数不清! 他们挥金如土, 好像贵族一样. [Гэн Цичжи 1985: 33];

(6) *Казарма нашей пожарной роты — полное название было что-то вроде «Комсомольско-молодежная рота противопожарной охраны Ленинского района»* [Ю. В. Трифонов. Дом на набережной (1976)];

我们消防连的营地位于亚基曼卡, 在桥后面, 我们连的全称大概是“列宁区共青团和青年消防连.” [Су Чжоусюн 1983: 166].

В контекстах (3)–(6) маркеры-аппроксиматоры переведены на китайский язык также как значимые слова, но на этот раз не служебные, а вводные:

- *вроде того что* (3) — как 似乎 (sì hu) ‘кажется’ [Словарь 2005: 1295];

- *вроде* (4) — как 就像 (jiù xiàng) ‘кажется’ [Словарь 2005: 1491];

- *вроде* (5) — как 好像 (hào xiàng) ‘кажется’ [Словарь 2005: 544];

- *вроде* (6) — как 大概 (dà gài), которое ‘указывает на высокую вероятность’ [Словарь 2005: 251].

Видно, что в переводах используются разные вводные единицы, которые чаще имеют ту же семантику неопределенности, приблизительности (3)–(5), что и ПМА *вроде*, но могут иметь и противоположное значение высокой вероятности (= уверенности) (6). Кроме того, видно, что в этих контекстах ПМА часто сопровождают хеджи (*что-что, чего-то, какая-то*), которые вместе с маркерами, по преимуществу также с близкой семантикой аппроксимации, смягчают иллокутивную силу высказываний. **Перевод ПМА вводными словами** можно считать еще одним приемом перевода русских аппроксиматоров на китайский язык. Семантика этого вводного слова может быть как

близкой к аппроксимации ('кажется'), так и иной ('высокая вероятность' (6) и 'напротив' — см. ниже).

(7) *Из синода новое прошение прислали, вставить в ектинью, или там какое-то моление заздравное, не хочу врать* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)];

主教公会也写了新的呈文, 要增加一次祷告, 为他的健康祈祷, 我可哄你。 — [Чжан Пинхэн 2016: 100].

В контексте (7) говорящий не убежден в том, что *новое прошение* необходимо *вставить* именно в *ектинью*, но предполагает, что это должно быть какое-то *моление заздравное*, и сопровождает свое предположение комбинацией ПМА и хеджа: *или там какое-то*. Стоит, впрочем, отметить, что в данном случае возможна и другая интерпретация контекста: *прошение* нужно вставить *или* в *ектинью*, *или* в другое *заздравное моление*, т. е. элемент *или* можно рассматривать именно как разделительный союз, а не как часть маркера (прагматическим маркером остается в этом случае лишь одиночный хезитатив *там*). Такая неоднозначность трактовки диффузного и, как правило, плохо структурированного устного дискурса и интерпретации его функциональных единиц — вещь совершенно обычная: многие формы не только в русской речи, но и в русском языке характеризуются «отсутствием статусной константности» [Сулимова 2020: 57], в случае с такими единицами невозможно «закрепить» за ними тот или иной окончательный грамматический статус и необходимо иметь в виду наличие переходности, когда «нельзя квалифицировать по принципу „или-или“, а надо отмечать „как то, так и другое“» [Бабайцева 1983: 37]. По мнению Л. В. Щербы, именно такие, синкретичные (переходные), образования должны находиться в центре внимания лингвистов, ср.: «Здесь, как и везде в языке (в фонетике, в „грамматике“ и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов» [Щерба 1958: 35–36]¹. С учетом сказанного

данный пример (7) (равно как и следующий) все же рассматривается в настоящей работе в ряду других, где статус ПМА более однозначен. Однако в любом случае переводчик оставил этот фрагмент без перевода (снова использован **прием опущения**).

(8) *Может, ту, где медведи задом, значит, трутся об земную ось или там обо что-то еще?* [В. Г. Распутин. Последний срок (1970)];

也许是那首吧? 里面唱的是一群熊用后蹄站起, 踩着地球的轴, 或者踩着什么别的来着? [Юй Хун 1982: 440].

В контексте (8) говорящий не может припомнить точно, обо что в известной песне *трутся медведи*, поэтому использует ПМА *или там* и хедж *обо что-то*. Здесь маркер *или там* переведен как *或者* (huo zhe 'может быть' [Словарь 2005: 623], *来着* (lai zhe 'разг. указывает на произошедшие события' [Словарь 2005: 623]), 'служебное слово, которое употребляется в конце вопросительного предложения для выражения недоверности' [Чжан Ишэн 2000: 66]. Повторяется **прием перевода ПМА значимыми словами** — в данном случае служебными. Хотя и здесь остается возможность другой интерпретации, когда союз *или* просто разделяет два объекта: *об земную ось или <...> обо что-то еще*². Там и в этом случае возможны отклонения; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения» [Томпсон 2003: 277]; однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полуосознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [Томпсон 2003: 277].

² Такая двойственность интерпретации маркера *или там* легко объясняется его «происхождением»: он «развивается из сочетания союза *или* (здесь и далее в цитате курсив авторов. — Я. С., Н. Б.-Б.) с разговорной частицей *там**, имеющей значение 'например' (не зафиксированное ни в одном словаре) и превращающейся в маркер-аппроксиматор со значением приблизительности. В МАС для слова *там**, рассматриваемого как ПМ, самой близкой разновидностью употребления является использование для обозначения приблизительности в некоторых ограниченных контекстах: „В сочетании с местоимениями и наречиями (чаще неопределенными) употребляется для усиления оттенка пренебрежения или сомнения, неопределенности. — *Может быть, по научным там*

¹ Ср. также: «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправ-

но трактовать как одиночный вербальный хезитатив (см. о нем подробнее: [ПМ 2021: 391–395]).

В ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения (речевой заминки) говорящий (персонаж произведения) порой вынужден (волею автора) искать подходящие единицы для продолжения речи, используя при этом те же маркеры-аппроксиматоры, но с дополнительной функцией *хезитации*, ср.:

(9) *А ежели мужики за дровами приедут или там... вообще, — как же я?* [А. М. Пешков (М. Горький). Мать (1906)];

如果农民来砍柴，或者那儿.....有点什么事那我怎么办？把他们捆起来？这种事我可不会干！... [Ся Янь 2006: 294].

«Данные живой речи позволяют убедиться, что в тех случаях, когда говорящий испытывает трудности при подборе адекватной точной номинации или просто избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин, он обычно использует целый комплекс сигналов разного уровня, которые предупреждают слушающего об этой ситуации» [Подлесская 2013: 642]. В контексте (9) говорящий в данный момент не может придумать подходящее завершение начатой фразы. Используя ПМА *или там* и физическую паузу хезитации (на

всяким законам мы [рабочие] людьми станем через сотню лет. Вересаев, К жизни» [МАС 1988: 337]. Именно аппроксимативная функция маркера *там** трансформируется в функцию „неточного“ поиска у ПМ *или там*: функцию заполнения *хезитативной* паузы при поиске, содержащем предположение говорящего. Таким образом, ПМ *или там* сохраняет в своей основе значение приблизительности номинации, однако в качестве маркера сочетается не только с местоимениями и наречиями, а употребляется и при поиске любой языковой единицы» [ПМ 2021: 206]. Ср. также статью на слово *там* в словаре В. В. Химика: «Част. Подр.-молод. Словоупотребление с ослабленным значением, заполнитель пауз; используется при затруднении при поиске нужного слова. • Обычно в затрудненной, неразвитой речи» [Химик 2017: 329] (см. также: [Химик 2004: 601]). Автор говорит здесь снова о частице, но фактически дает определение маркера-хезитатива, только ошибочно приписывает его подростково-молодежной и неразвитой речи. Наши наблюдения показывают, что рамки таких употреблений сегодня значительно расширились, и вербальные хезитативы, в частности слово *там*, свойственны речи любого, в том числе очень образованного, носителя русского языка.

письме выражена многоточием), он пытается «выиграть» время для поиска нужной единицы. ПМ *вообще*, следующий после хезитационного поиска, означает, что говорящий так и не смог найти адекватного выражения (о ПМ *вообще* см. подробнее: [ПМ 2021: 86–90]). Здесь в китайском тексте ПМА *или там* переведен как 或者那儿 (*huo zhe na er*) — буквально *или* и *там*. Очевидно, что это ошибочный перевод, который становится (в рамках нашего пользовательского подкорпуса) очередным использованным приемом перевода: **буквальный перевод с потерей смысла**. Отметим, впрочем, что многоточие, передающее в письменном тексте заминку говорящего, в переводе сохранено, т. е. этот прагматический момент оригинала переводчиком все же замечен.

Маркеры-аппроксиматоры, в рамках своей полифункциональности, свойственной большинству русских ПМ, часто не только выражают неуверенность или хезитацию, но и сопровождают передачу чужой речи, т. е. выступают в функции ксенопоказателя (от греч. *xenos* ‘чужой’). В таких контекстах они маркируют неточную передачу чужих (или своих) слов или мыслей, зачастую только предполагаемых говорящим, ср.:

(10) *Я сказал что-то вроде того, что боюсь воров и прошу ее поберечь деньги до моего отъезда* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)];

我说恐怕失窃，所以我动身前请她代为保管。 [Гао Хуэйцзюнь 2019: 309];

(11) *Я только сейчас понял, — он все бубнил что-то вроде: би... би... би... би, а это он просил: «Пить, пить», кружка рядом, хоть бы выполнил его последнюю волю* [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)];

先前他一个劲儿嘟哝，好像是‘霍.....霍.....霉.....’，现在我才明白，他这是要喝水。茶杯就在旁边，真应该满足他最后的要求。 [Ли Ган 2015: 390];

(12) *Он должен был произнести что-нибудь такое вроде: я, мой меч и мой народ, как Вильгельм, или что-нибудь в этом духе* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)];

他本应当讲些这类的话，比如说：‘我，我的剑和我的人民.....’就像威廉皇帝那样，总之是这方面的话。 [Чжан Пинхэн 2016: 277];

(13) *Что-нибудь вроде «признаю свою*

вину, искажил, обещаю исправить, осознал», вот в таком роде, вы ведь знаете, уже есть стандарт [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)];

比如, 就写: ‘我承认错误, 我错了, 现在认识到了, 保证改正。’就写诸如此类的话, 您是知道的, 这都是老一套了。 [Ли Ган 2015: 1279];

(14) Отец уклонялся объяснять или же представлял что-нибудь смехотворное, **вроде**: «Видишь ли, в принципе я не против твоего Левки, или Шулепки, как ты его называешь» [Ю. В. Трифонов. Дом на набережной (1976)];

遇到这样的问题, 父亲向来回避解释, 或者用一句逗笑的话一带而过, 比如, 你瞧, 原则上我不反对你的廖夫卡或舒列帕, 你是这样叫他吧? [Су Чжоусюн 1983: 29];

(15) От Люси бывали и длинные, подробные письма, особенно если она перед тем долго не давала о себе знать, в которых матери отводилось больше места и в которых она писала **что-нибудь вроде**: «Скажите маме, что лекарства помогают в любом возрасте» [В. Г. Распутин. Последний срок (1970)];

有时也会接到柳夏寄来的写得比较详细的长信, 特别是在她久无音讯之后, 在这种情况下, 写到妈妈的地方也就稍微多些, 在这样的信里她总是写一些诸如“请你们跟妈妈说, 吃药对任何年龄的人都有好处一类的话”。 [Юй Хун 1982: 445];

(16) Жербунов пробормотал **что-то вроде** «мал ты мне указывать», но все же закинул винтовку за плечо [В. О. Пелевин. Чапаев и пустота (1996)];

热尔布诺夫咕哝了一句“还轮不到你来指挥我”之类的话, 但还是把步枪背到了肩上。 [Чжэн Тиву 2004: 35].

Чаще всего из маркеров-аппроксиматоров в функции ксенопоказателя выступает ПМА *вроде* (*вроде того, вроде того что*)¹, и перевод таких употреблений также составляет значительную трудность.

В контексте (10) говорящий использует комбинацию из хеджа *что-то* и ПМА *вроде того что* для введения своей собственной речи, которую он передает весьма приблизи-

тельно. Здесь в переводе использован **прием опущения**: переводчик перевел только саму речь, без маркера *вроде*.

В контексте (11) в похожей ситуации ПМА *вроде* переведен как вводное слово 好像 (hao xiang) ‘кажется’.

В контексте (12) чужая речь снова вводится комбинацией маркера и хеджа. Здесь ПМА *вроде* переведен как 比如说 (bi ru ‘маркер приведения примеров’, shuo ‘говорить’) [Словарь 2005: 70, 1285]. Можно, по-видимому, говорить о новом приеме перевода, который обнаруживается на материале пользовательского подкорпуса: **использование значимых слов (не служебных и не вводных) с функцией ПМА, или опущение ПМА, но передача его функции другими словами**.

В контекстах (13) и (14) ПМА *вроде* переведен как вводное слово 比如 (bi ru) ‘например’. В китайском языке 比如 (bi ru) в определенных контекстах может быть синонимичен 好像 (hao xiang) ‘кажется’. Это уже знакомый нам **прием перевода ПМА как вводного слова**, только круг этих вводных слов расширяется, и не все они имеют семантику приблизительности или неуверенности.

В контексте (15) ПМА *вроде* переведен как вводное слово 诸如……一类 (zhu ru ... yu lei) ‘как например’ [Словарь 2005: 1776]; в контексте (16) — как 之类 (zhi lei) ‘такие, как ...’, например’ [Словарь 2005: 827]. Никаких новых приемов перевода эти примеры не дают.

Русские ПМА способны выполнять также функцию разграничительного маркера, из которых в пользовательском подкорпусе обнаружили только финальные, ср.:

(17) Писем от вас не было **вроде**... [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1932–1940)];

好像没有接到过您的什么书信... [Цзинь Жэнь 2015: 1977];

(18) Вы против богатых, за бедных **вроде** [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1932–1940)]; 你们反对的是财主, 似乎是为穷人谋福利的。 [Цзинь Жэнь 2015: 2233].

В контексте (17) ПМА *вроде* переведен как вводное слово 好像 (hao xiang) ‘кажется’. В контексте (18) — как вводное слово 似乎 (si hu), что также означает ‘кажется’.

Встретились в пользовательском подкорпусе и частотные в русской разговорной

¹ Столь же частотен в этой роли и маркер-аппроксиматор *типа* (*типа того, типа того что*) (см. о нем подробнее: [ПМ 2021: 396–404]), однако такие примеры, как уже отмечалось выше, в фокус настоящего исследования не попали.

речи цепочки ПМ и многократные употребления ПМА в одном предложении, ср.:

(19) *Ну как бы да. Можно и так сказать. И не только они, кстати. У нас внутри — весь кайф в мире. Когда ты что-нибудь глотаешь или колешь, ты просто высвобождаешь какую-то его часть* [В. О. Пелевин. Чапаев и пустота (1996)];

好像是是的。也可以这么说。不光它们，顺便说一句。世界上的所有快感都在我们的体内。当你吞吃或是注射什么时，你释放的不过是所有快感的一部分。[Чжэн Тиву 2004: 297];

(20) *Он прибежал туда вроде как бы прощаться* [Ю. В. Трифонов. Дом на набережной (1976)];

他似乎是跑到那里去辞行的。[Су Чжоусюн 1983: 166];

(21) *Вроде зря я их вызвал, вроде обманул. Я понима-а-ю* [В. Г. Распутин. Последний срок (1970)];

好象我平白无故地把她们叫了来，好象我欺骗了她们，我明-明白。[Юй Хун 1982: 336].

В контексте (19) ПМА *как бы* в составе стартовой цепочки переведен как вводное слово 好象 (hao xiang) ‘кажется’.

В контексте (20) из двух ПМА (*вроде и как бы*) переведен только один маркер (似乎 (si hu) ‘кажется’), для второго переводчик использовал прием **опущения**.

В контексте (21) дважды используется ПМА *вроде*, который оба раза снова переведен как вводное слово 好象 (hao xiang) ‘кажется’.

Результаты проведенного исследования представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что анализ пользовательского подкорпуса выявил три разных приема перевода русских ПМА на китайский язык. Чаще всего (78,3 %), переводя русские маркеры-аппроксиматоры, переводчики использовали обычные значимые слова. Причин этому может быть несколько. Либо переводчики не видят в этих единицах никакой прагматической специфики или даже вообще не знают о существовании ПМА в русской разговорной речи, либо видят эту специфику и знают о маркерах, но не могут найти соответствующих аналогов в своем языке, либо, что вполне вероятно, таких аналогов в китайском попросту не существует или они пока не выявлены и не описаны специалистами по китайской раз-

говорной речи. В любом случае полученные в настоящей работе выводы становятся в этой ситуации особенно значимыми, поскольку такой прием перевода никак нельзя признать удачным. Особенно неудачен буквальный перевод ПМА значимыми словами (4,3 %), с полной потерей и смысла, и прагматической специфики.

Заметим, что такой же высокий (хотя и несколько более низкий на фоне наших данных) процент перевода значимыми словами выявлен и на материале переводов на китайский язык русского маркера-хезитатива *это самое* — 52,5 % [Сунь Сяоли 2021: 190], что свидетельствует, с одной стороны, об универсальности затронутой проблемы перевода русских ПМ на другие языки (в том числе на китайский), а с другой, о том, что трудности перевода разных маркеров оказываются не совсем одинаковы.

На втором месте по распространенности в пользовательском подкорпусе, как и в случае с ПМ-хезитативом *это самое*, оказался прием опущения маркера: 17,4 и 25,0 % соответственно. Такой прием также нельзя признать удачным переводом: отсутствие ПМ явно меняет речевой портрет персонажа.

Наконец, в настоящем исследовании выявлен и наиболее удачный на фоне прочих прием перевода: опущение ПМА с передачей его функции другими словами (4,3 %) (ср. 2,5 % таких переводов маркера *это самое* в упомянутой выше работе Сунь Сяоли). Здесь переводчик явно «узнал» русский маркер, но не смог подобрать ему достойного аналога в китайском языке.

Надо отметить, что в настоящем исследовании совсем не обнаружилось случаев перевода ПМА соответствующим китайским маркером (ПМА → ПМА), что было бы самым удачным приемом перевода и что было установлено для ПМ *это самое*: 20,0 % таких переводов [Сунь Сяоли 2021: 190]¹.

¹ Сходным образом обстоит дело и в других языках: см., например, опыт анализа переводов того же русского маркера-хезитатива *это самое* на сербский [Тимофеевич 2022] и финский [Осьмак 2023] языки, где авторам удалось найти целый ряд соответствий данному русскому ПМ. Исследований по переводам прагматических русских маркеров-аппроксиматоров пока, по-видимому, не существует ни для какого языка.

Таблица 1. Приемы перевода русских прагматических маркеров-аппроксиматоров на китайский язык
 [Table 1. Russian-to-Chinese translation tools for pragmatic approximator markers]

Прием перевода		Кол-во контекстов (%)
(1) Опускание ПМА		17,4
(2) Опускание ПМА, передача его функции другими словами		4,3
(3) ПМА → значимое слово	ПМА → служебное слово	11,1* ¹
	ПМА → вводное слово с семантикой приблизительности	61,1*
	ПМА → вводное слово с другой семантикой	22,2*
	Буквальный перевод ПМА с потерей смысла	5,6*
	Всего	78,3

* Проценты, помеченные знаком (*), посчитаны от общего количества приемов перевода рассматриваемых ПМА значимыми словами.

4. Заключение

Перевод способствует коммуникации между разными странами и национальностями в разных областях. Заниматься художественным переводом нелегко, особенно большие трудности для переводчиков создает разговорная речь персонажей, которая в литературных произведениях является основным средством формирования образов этих персонажей. Литературный перевод должен передавать художественную концепцию оригинального произведения, чтобы читатели целевого текста могли получить такое же эстетическое восприятие, как и читатели оригинального текста. Таким образом, нельзя игнорировать при переводе специфику речи персонажей, что требует от переводчиков использования метода дискурсивного анализа, учета контекстных факторов и правильного понимания функций ПМА. Только так можно сохранить ин-

дивидуальность персонажей оригинального литературного произведения.

Что же касается предмета настоящего исследования, то результаты проведенного анализа позволяют наметить некоторые его перспективы. Так, можно взять набор наиболее близких аналогов ПМА, использованных переводчиками в проанализированных произведениях (似乎 (si hu), 就像 (jiu xiang), 好像 (hao xiang) — для «чистых» аппроксиматоров, 比如 (bi ru), 诸如 (zhu ru), 来着 (lai zhe) — для аппроксиматоров-ксенопоказателей), найти их в китайских художественных текстах и посмотреть, как их перевели теперь уже русские переводчики. Гипотетически у этих единиц есть «шанс» совпасть не только с вводными словами *кажется* или *например*, но и с русскими ПМА *типа*, *как бы*, *вроде* — и тогда можно будет говорить об аналогах этих единиц в русском и китайском языках.

Источники материала

- Гао Хуэйцзюнь 2019 — 高慧群译. 米·阿·布尔加科夫 (作者). 大师和玛格丽特. 上海: 上海文艺出版社, 2019. 800 页 [= Гао Хуэйцзюнь (пер.). *Булгаков М. А. Мастер и Маргарита*. Шанхай: Шанхайское изд-во литературы и искусства, 2019. 800 с.].
- Гэн Цзичжи 1985 — 耿济之 (译者). 马·高尔基 (作者). 马特维·卡热米亚金的一生. 北京: 人民文学出版社, 1985. 652 页 [= Гэн Цзичжи (пер.). *А. М. Пеишков (М. Горький)*. Жизнь Матвея Кожемякина. Пекин: Народная литература, 1985. 652 с.].
- Ли Ган 2015 — 力冈 (译者). 瓦·谢·格罗斯曼 (作者). 生活与命运. 桂林: 广西师范大学出版社, 2015. 1661 页 [= Ли Ган (пер.). *Гроссман В. С. Жизнь и судьба*. Гуйлинь: Изд-во

- Гуансиского педагогического университета, 2015. 1661 с.].
- Су Чжоусюн 1983 — 栗周熊 (译者). 尤·瓦·特里丰诺夫 (作者). 滨河街公寓. 北京: 外国文学出版社, 1983. 193 页 [= Су Чжоусюн (пер.). *Трифонов Ю. В. Дом на набережной*. Пекин: Изд-во иностранной литературы, 1983. 193 с.].
- Ся Янь 2006 — 夏衍 (译者). 马·高尔基 (作者). 母亲. 北京: 人民文学出版社, 2006. 350 页 [= Ся Янь (пер.). *А. М. Пеишков (М. Горький)*. Мать. Пекин: Народная литература, 2006. 350 с.].
- Цзин Лимин 2000 — 景黎明 (译者). 亚·伊·索尔仁尼琴 (作者). 第一圈. 北京: 群众出版社, 2000. 上部: 485 页, 下部: 453 页 [= Цзин Лимин (пер.). *Солженицын А. И.*

- В круге первом. Пекин: Народное изд-во, 2000. Ч. 1. 485 с.; Ч. 2. 453 с.].
- Цзинь Жэнь 2015 — 金人 (译者). 米·亚·肖洛霍夫 (作者). 静静的顿河. 北京: 人民文学出版社, 2015. 3841 页 [= Цзинь Жэнь (пер.). *Шолохов М. А. Тихий Дон*. Пекин: Народная литература, 2015. 3841 с.].
- Чжан Пинхэн 2016 — 张秉衡 (译者). 鲍·列·帕斯捷尔纳克 (作者). 日瓦戈医生. 北京: 人民文学出版社, 2016. 1230 页 [= Чжан Пинхэн (пер.). *Пастернак Б. Л. Доктор Живаго*. Пекин: Народная литература, 2016. 1230 с.].
- Чжэн Тиву 2004 — 郑体武 (译者). 维·奥·佩列文 (作者). 夏伯阳与虚空. 上海: 上海译文出版社, 2004. 405 页 [= Чжэн Тиву (пер.). *Пелевин В. О. Чапаев и пустота*. Шанхай: Шанхайское изд-во переводов, 2004. 405 с.].
- Юй Хун 1982 — 俞虹 (译者). 格·叶·拉斯普京 (作者). 最后的期限. 北京: 外国文学出版社, 1982. 665 页 [= Юй Хун (пер.). *Распутин Г. Е. Последний срок*. Пекин: Изд-во иностранной литературы, 1982. 665 с.].

Sources

- Bulgakov M. A. The Master and Margarita. Gao Huiqun (transl.). Shanghai: Shanghai Literature and Art Publishing House, 2019. 800 p. (In Chin.)
- Gorky M. Mother. Xia Yan (transl.). Beijing: People's Literature Publishing House, 2006. 350 p. (In Chin.)
- Gorky M. The Life of Matvei Kozhemyakin. Geng Jizhi (transl.). Beijing: People's Literature Publishing House, 1985. 652 p. (In Chin.)
- Grossman V. S. Life and Fate. Li Gang (transl.). Guilin: Guangxi Normal University Press, 2015. 1661 p. (In Chin.)
- Pasternak B. L. Doctor Zhivago. Zhang Bingheng (transl.). Beijing: People's Literature Publishing House, 2016. 1230 p. (In Chin.)
- Pelevin V. O. Buddha's Little Finger. Zheng Tiwu (transl.). Shanghai: Shanghai Translation Publishing House, 2004. 405 p. (In Chin.)
- Rasputin V. G. The Last Term. Yu Hong (transl.). Beijing: Foreign Literature Publishing House, 1982. 665 p. (In Chin.)
- Sholokhov M. A. And Quiet Flows the Don. Jin Ren (transl.). Beijing: People's Literature Publishing House, 2015. 3841p. (In Chin.)
- Solzhenitsyn A. I. In the First Circle. Jing Liming (transl.). Beijing: Masses Publishing House, 2000. Pt. 1, 485 p. Pt. 2, 453 p. (In Chin.)
- Trifonov Yu. V. The House on the Embankment. Su Zhouxiong (transl.). Beijing: Foreign Literature Publishing House, 1983. 193 p. (In Chin.)

Литература, словари и иные ресурсы

- Бабайцева 1983 — *Бабайцева В. В.* Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // *Филологические науки*. 1983. № 5. С. 35–42.
- Богданова-Бегларян 2014 — *Богданова-Бегларян Н. В.* Дискурсивная единица типа (того что): функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // *Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2014. № 3(45). Июль – Август – Сентябрь. С. 252–255.
- Богданова-Бегларян 2019 — *Богданова-Бегларян Н. В.* Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // *Социо- и психолингвистические исследования*. 2019. Вып. 7. С. 14–19.
- Богданова-Бегларян 2021 — *Богданова-Бегларян Н. В.* Предисловие редактора // *Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян*. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.
- Виноградов 2001 — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове; 4-е изд. М.: Высшая Школа, 2001. 720 с.
- Дергачева 2014 — *Дергачёва Л. А.* Стилистическое и звуковое своеобразие квазиспонтанной речи // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2014. № 2. С. 201–208.
- Комиссаров 1990 — *Комиссаров В. Н.* Теория перевода: Лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Левонтина 2010 — *Левонтина И. Б.* Пересказывательность в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 16 / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.
- МАС 1986 — *Словарь русского языка в четырех томах. Том II. К–О*. Изд. третье, стер. / гл. ред. А. П. Евгеньев. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
- МАС 1988 — *Словарь русского языка в четырех томах. Том IV. С–Я*. Изд. третье, испр. и доп. / гл. ред. А. П. Евгеньев. М.: Русский язык, 1988. 796 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.02.2024).

- Осьмак 2023 — *Осьмак Н. А.* О способах перевода прагматического маркера это самое на финский язык (на материале параллельных финско-русских корпусов художественных текстов) // Сб. тезисов LI Междунар. науч. филол. конф. им. Людмилы Алексеевны Вербицкой. (г. Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 г.). СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2023. С. 1003–1004.
- ПМ 2021 — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Подлеская 2013 — *Подлеская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12(19). В 2-х тт. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Словарь... 2005 — Словарь современного китайского языка (中国社会科学院语言研究所词典编辑室) / Редакция словаря Института лингвистики Китайской академии общественных наук (现代汉语词典). Пекин (北京): Коммерческое изд-во (商务印书馆), 2005. 1871 с.
- Сулимова 2020 — *Сулимова Т. С.* Определить нельзя помирить! — Функционирование единицы в смысле в русской устной речи (в зеркале теории переходности) // Русская речь. 2020. № 5. С. 55–69.
- Сунь Сяоли 2021 — *Сунь Сяоли.* Факторы, влияющие на перевод прагматического маркера это самое в русских художественных текстах на китайский язык // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Минск, 20–21 октября 2021 г.). Минск: МГЛУ, 2021. С. 189–191.
- Сунь Сяоли, Богданова-Бегларян 2023 — *Сунь Сяоли, Богданова-Бегларян Н. В.* Специфика построения цепочек прагматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 211–221. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221
- Сян Янань, Богданова-Бегларян 2023 — *Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В.* Аппроксимация и хеджирование в языке и речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2023). Труды десятого междисциплинарного семинара / науч. ред. П. А. Скрелин, У. Е. Кочеткова. СПб.: Политехника-принт, 2023. С. 60–65.
- Тимотийевич 2022 — *Тимотийевич М.* Русский прагматический маркер хезитационного поиска ЭТО САМОЕ и способы его перевода на сербский язык // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова [электронный ресурс] // URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022. М.: МАКС Пресс, 2022 (дата обращения: 06.04.2024).
- Томпсон 2003 — *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.
- Химик 2004 — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
- Химик 2017 — *Химик В. В.* Толковый словарь русской обиходно-разговорной речи. В 2-х тт. Т. 2. О–Я. СПб.: Златоуст, 2017. 532 с.
- Чжан Ишэн 2000 — *Чжан Ишэн* (张道生). Краткое обсуждение о временном вспомогательном слове «来着» — также о «来着¹» и «的²» и разнице между «来着¹» и «来着²» (略论时制助词“来着”-兼论“来着¹”与“的²”以及“来着²”的区别) // Журнал педагогического колледжа Дали (大理师专学报). 2000. С. 61–67.
- Щерба 1958 — *Щерба Л. В.* Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. Приложение к книге «Восточно-лужицкое наречие». Т. 1 // *Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Т. 1 / отв. ред. М. И. Матусевич. Л.: Ленингр. ун-т, 1958. С. 35–39.
- Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022 — *Bogdanova-Beglarian N. V., Ryko A. I.* Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования. сб. ст. / под ред. С. Ю. Рубцовой. СПб.: СПбГУ, 2022. С. 80–89.
- Lakoff 1973 — *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*. № 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. Pp. 458–508.

References

- Babaitseva V. V. Modern Russian and its parts-of-speech system: One syncretic zone reviewed. *Philological Sciences*. 1983. No. 5. Pp. 35–42. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Ryko A. I. Xenomarker as an interpreter of silence or speech behavior in oral communication (Difficulties in translation and teaching RFL). In: Rubtsova S. Yu. (ed.) *Synergy of Languages and Cultures — 2021: Interdisciplinary Studies*. Collected articles. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2022. Pp. 80–89. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. (comp., ed.) *Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech*. Reference monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 520 p. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. Discursive item *tipa (togo chto)*, its functioning in oral token and alternatives of lexicographical description. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2014. No. 3 (45). Pp. 252–255. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. Editorial. In: Bogdanova-Beglarian N. V. (comp., ed.) *Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech*. Reference monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. Pp. 5–52. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. *One in the field is not a warrior*: On the “magnetizm” of pragmatic markers in the Russian speech. *Socio- and Psycholinguistic Studies*. 2019. Vol. 7. Pp. 14–19. (In Russ.)
- Dergacheva L. A. Linguostylistic features of quasi-spontaneous speech. *Herald of Tver State University. Series: Philology*. 2014. No. 2. Pp. 201–208. (In Russ.)
- Khimik V. V. Explanatory Dictionary of Everyday Colloquial Russian. In 2 vols. Vol. 2: О–Я. St. Petersburg: Zlatoust, 2017. 532 p. (In Russ.)
- Khimik V. V. Unabridged Dictionary of Expressive Colloquial Russian. St. Petersburg: Norint, 2004. 768 p. (In Russ.)
- Komissarov V. N. *Theory of Translation: Linguistic Aspects*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 253 p. (In Russ.)
- Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1973. No. 2. Pp. 458–508. (In Eng.)
- Levontina I. B. Evidentiality in Russian discourse. In: Selegey V. P. (ed.) *Computer Linguistics and IT [Systems]*. Conference proceedings. Vol. 16. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2010. Pp. 284–289. (In Russ.)
- Modern Chinese Dictionary. Beijing: The Commercial Press, 2005. 1871 p. (In Chin.)
- Osmak N. A. Translating Russian pragmatic markers into Finnish: The *eto samoe* case. In: Fifty First Lyudmila Verbitskaya Philological Conference (St. Petersburg, 14–21 March 2023). Collected abstracts. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2023. Pp. 1003–1004. (In Russ.)
- Podlesskaya V. I. Unclear nomination in colloquial Russia: A corpus study. In: Selegey V. P. (ed.) *Computer Linguistics and IT [Systems]*. Conference proceedings. Vol. 12 (19). In 2 pts. Pt. 1: Main Conference Program. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2013. Pp. 631–643. (In Russ.)
- Russian National Corpus. On: Russian National Corpus. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 11 February 2024). (In Russ.)
- Shcherba L. V. Sorbian dialectal observations: Some conclusions. In: Shcherba L. V. *Selected Works on Linguistics and Phonetics*. Vol. 1. M. Matusevich (ed.). Leningrad: Leningrad State University, 1958. Pp. 35–39. (In Russ.)
- Sulimova T. S. A definition is impossible, pardon! / A pardon is impossible, define! The functioning of the unit *v smysle* in Russian oral speech (In terms of transitivity theory). *Russian Speech*. 2020. No. 5. Pp. 55–69. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013161170012130-2
- Sun Xiaoli, Bogdanova-Beglarian N. V. Translating Russian fiction into Chinese: The specifics in building chains of pragmatic markers. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 211–221. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221
- Sun Xiaoli. Factors influencing the translation of the pragmatic marker *eto samoe* in Russian artistic texts into Chinese. In: *Semantic Potential of Language Units and Its Realization*. Conference proceedings (Minsk, 20–21 October 2021). Minsk: Minsk State Linguistic University, 2021. Pp. 189–191. (In Russ.)
- Thompson P. *The Voice of the Past: Oral History*. Moscow: Ves Mir, 2003. 368 p. (In Russ.)
- Timotijevic M. Russian pragmatic marker of hesitation search ETO SAMOE and ways to translate it into Serbian. In: Aleshkovsky I. A. et al. (eds.) *LOMONOSOV-2022*. Forum proceedings. Moscow: MAKSS Press, 2022. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022 (accessed: 6 April 2024). (In Russ.)
- Vinogradov V. V. *Russian Language: Grammatical Theory of Word*. Fourth edition. Moscow: Vysshaya Shkola, 2001. 720 p. (In Russ.)
- Xiang Yanan, Bogdanova-Beglarian N. V. Approximation and hedging in language and speech. In: Skrelin P. A., Kochetkova U. E. (eds.) *Analysis of the Russian Colloquial*

- Speech 2023 (AP³-2023). Seminar proceedings. St. Petersburg: Politekhnik-Print, 2023. Pp. 60–65. (In Russ.)
- Yevgenyeva A. P. (ed.) A Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: А–Й. Third edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1985. 699 p. (In Russ.)
- Yevgenyeva A. P. (ed.) A Dictionary of the Russian Language. Vol. 2: К–О. Third edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1986. 736 p. (In Russ.)
- Yevgenyeva A. P. (ed.) A Dictionary of the Russian Language. Vol. 4: С–Я. Third edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1988. 796 p. (In Russ.)
- Zhang Yisheng. A brief discussion on the tense particle “lai zhe” – also on “lai zhe¹” and “de²”, and the differences between “lai zhe¹” and “lai zhe²”. *Journal of Dali Normal University*. 2000. No. 4. Pp. 61–67. (In Chin.)

